

**А. И. ЗАЙЦЕВ
(ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ)**

Учиться у Александра Иосифовича мне пришлось, к великому моему сожалению, очень недолго. Нашей группе не довелось даже читать с ним авторов, если не считать нескольких занятий по Гомеру по курсу исторической грамматики греческого языка. Поэтому, несмотря на то что Александр Иосифович руководил моей дипломной работой, я не смею претендовать на высокое звание его ученицы — по крайней мере, не могу делать это в той же степени, что и мои старшие коллеги. Однако своим учителем я, конечно, его считаю. Но при этом имею в виду не классическую ученость, а материи несколько иные.

Александр Иосифович был великий человек. Это было понятно сразу, при первом знакомстве, еще когда мы, наивные первокурсники, ничего о нем не знали. Боялись мы его ужасно — и немудрено: всем известно, что Александр Иосифович при всей его неизменной доброжелательности был очень строг. И эта строгость распространялась не только на сферу научных изысканий. О ней-то мне и хочется рассказать.

Все мы помним, как выделялся Александр Иосифович на фоне филфаковской «массовки». Кот в сапогах на лацкане пиджака, особенная сутулость, неподражаемая манера носить портфель за спиной. Все это создавало образ «чудаковатого профессора». И действительно, за Александром Иосифовичем числилось множество всяческих «чудаченьств». Чего стоит хотя бы манера представляться «Зайцев, жрец Зевса».

Как известно, Александр Иосифович называл всех по имени и отчеству. Любые исключения из этого правила оправдывались исключительными обстоятельствами. Как-то раз мой соратник Илдар Ибрагимов, заглянув из коридора на кафедру в среду, когда у Александра Иосифовича были часы консультаций, сообщил мне, трепетавшей под дверью, что Александр Иосифович занят, у него посетительница, видимо, очень юная, так как он называет ее просто по имени — Виктория. Потом, когда она вышла, мы увидели, что

она действительно была очень молода — лет десяти-одиннадцати. Или вот один из наших соратников почему-то не ходил на лекции по исторической грамматике. Александр Иосифович долго не обращал внимания на его отсутствие (или делал вид), но в конце концов, уже перед экзаменом, вдруг спросил гневно: «А как поживает этот ваш Никита, *не помню его отчества?*». В ужасе мы позвонили Никите и сообщили, что дела его крайне плохи.

С правилами номинации, от которой Александр Иосифович не отступал, связана и другая история. Александр Иосифович просил меня передать письмо в Иерусалим Хаве-Брохе Корзаковой. Знакомы мы с Хавой тогда не были, и, рассказывая мне о ней, Александр Иосифович называл ее неизменно Хавой-Брохой, но в конце беседы прибавил очень веско: «Имейте в виду, ее зовут Ева Авраамовна». В Иерусалиме я позвонила Хаве и сказала ей, как и велел Александр Иосифович: «Ева Авраамовна, у меня к Вам письмо». «Можете не говорить, от кого, — засмеялась Хава, — так меня называет только один человек на свете». В «прошлой жизни», до принятия иудаизма, Хаву звали Екатериной Игоревной; когда же она попросила Александра Иосифовича (и всех прочих) отныне называть ее Хавой-Брохой, он категорически не согласился, некоторое время обращался к ней «Ева Игоревна», а затем, встретив решительный протест, придумал словосочетание «Ева Авраамовна», так как новообращенные иудеи всегда считаются сыновьями и дочерьми прародца Авраама. На конверте, впрочем, было написано «Хаве-Брохе».

Александр Иосифович подчеркнуто трепетно относился и к правилам факультетского распорядка — и вообще к установленным свыше правилам. Сдавали мы в зимнюю сессию на V курсе экзамен по исторической грамматике греческого языка. Боялись безумно, уши пылали от стыда за невежество свое. Экзамен должен был состояться в 11-й аудитории на первом этаже, которая ныне принадлежит деканату, а тогда была темной, крайне неудобной, душной и без столов — с мягкими глубокими креслами. Писать предлагалось на колене. К тому же оказалось, что она заперта, а ключ нашелся не сразу. Пока его искали, а Александр Иосифович хмурился, мы предложили найти свободную аудиторию где-нибудь в «школе»: тогда еще, напомним, аудитории обычно не запирали, группа собралась полностью, день был полупраздничный — 8 января, факультет пустовал — с нашей, студенческой, еретической точки зрения самовольно поменять аудиторию нам ничто не мешало. Однако

Александр Иосифович был тверд: «Святылище номер одиннадцать предписано нам свыше (т. е. факультетским диспетчером Мариной Станиславовной Смирновой), и нам негоже проявлять своеволие». Наконец ключ нашелся, начался экзамен, и первый ответивший (им был Саша Кириченко) получил наказ найти в коридоре еще кого-нибудь и привести, чтобы в аудитории сохранилось сакральное число три (Александр Иосифович это число любил). Саша вернулся через несколько минут и сообщил, что прямо под дверью никого нет, но он видел Лену, и она сейчас придет. «Кого-кого?!» — искренне удивился Александр Иосифович. «Елену Викторовну», — оторопев, ответил Саша. «Ах, Елену Викторовну! — воскликнул (с облегчением?) Александр Иосифович. — Что ж, просим, просим!».

Слово «святылище» Александр Иосифович вообще очень любил и применял отнюдь не только к факультетским помещениям. Например, он запрещал в своем присутствии называть Публичную Библиотеку Публичкой. «А как же ее называть, Александр Иосифович?». «Святылище ГПБ!».

Александр Иосифович не уставал повторять, что изучающим классические языки ни в коем случае нельзя пользоваться переводами — этак ничего выучить невозможно. Однако я была отчасти даже потрясена, узнав, что эта точка зрения распространяется на переводы вообще. Однажды, когда я уже работала лаборанткой и во время приемных часов Александра Иосифовича смиренно сидела за шкафом в 159-й аудитории, он меня застал за чтением не чего-нибудь, а «Давида Копперфилда» — о ужас, по-русски. Мне попало за леность так, что до сих пор уши горят. Все, что можно читать в оригинале, надо читать в оригинале, а англиское наречие на редкость просто и понятно! Некоторое время спустя дошла до меня сплетня о том, что Александра Иосифовича интересовало творчество исландского писателя, нобелевского лауреата Халльдоура Лакснесса. Я бы ничуть не удивилась, если бы Александр Иосифович читал его по-исландски — но нет, исландского он, кажется, все-таки не знал. Один из романов Лакснесса Александр Иосифович прочитал в «Святылище ГПБ» в зале микрофильмов по-английски. Ибо англиское наречие на редкость просто и понятно.

Судя по всему, простая человеческая лень была Александру Иосифовичу решительно незнакома. Вернувшись из Москвы ночным поездом, Александр Иосифович шел в БАН и «коротал там время» до факультетских занятий. А в случайно оказавшиеся сво-

бодными минуты во время консультаций Александр Иосифович развлекался тем, что решал интегралы из вузовских задачников по матанализу. «Некоторые люди любят кроссворды, — говорил он, — а я вот таким образом отдыхаю».

Александр Иосифович вообще не считал лишними никакие знания. Его эрудиция ошеломляла. Однажды мне довелось ехать с ним в троллейбусе вдоль всего Невского к площади Восстания, и всю дорогу Александр Иосифович читал мне увлекательную — и весьма поучительную! — лекцию о всевозможных ядах. С химической терминологией, упоминанием экзотических растений и подробными рассказами о криминалистических методах, связанных с отравлениями! А когда один коллега при нем рассказал, что переезжает на новую квартиру, а фасад дома обнесли лесами, и теперь непонятно, удастся ли пронести в парадную рояль, Александр Иосифович утешил его, назвав точные цифры в сантиметрах, которые в таких случаях положено по ГОСТу оставлять слева и справа от дверей, так что рояль обязательно пройдет.

Как преподаватель Александр Иосифович себя, пожалуй, недооценивал. «Я читаю нудно, — повторял он, — да, я читаю нудно и прекрасно это знаю!». Тем не менее трудно забыть поразительное ощущение, переполнявшее нас, к примеру, в утро того же, уже упоминавшегося экзамена по исторической грамматике. Простудировав двухтомный конспект, мы с изумлением обнаружили, что все изложенное Александром Иосифовичем за полтора года с приятным щелчком улеглось в голове на соответствующие полки и что на каждый вопрос у нас есть пусть краткий, но ответ. Правда, и экзамен нас поразил: выслушав эти наши пусть краткие, но ответы, Александр Иосифович неизменно говорил: «Превосходно! Однако, возможно, стоит упомянуть и о...» — и следовала небольшая лекция.

Как-то Александр Иосифович рассказал, что, когда он в молодые годы вел занятия у историков, студенты не любили его и часто целыми группами не приходили на занятия. Тогда Александр Иосифович все равно поднимался на кафедру, открывал соответствующего автора на соответствующем месте и читал его без студентов, сам. Это называлось *аудиторным чтением без аудитории*. Интересно, сдавали ли студенты долги на зачетной неделе.

На первый взгляд все это может с полным правом показаться чудачествами. Однако чем дальше, тем сильнее возрастает во мне

уверенность, что на самом деле все это якобы чрезмерное смирение перед внешними обстоятельствами и установление правил, излишних с точки зрения менее закаленного жизнью человека, имело целью вовсе не создание какого-то образа, — это Александру Иосифовичу, наверное, вообще не было свойственно. Это была борьба с энтропией, с мировым хаосом, на вверенном Александру Иосифовичу участке фронта, категорическое недопущение лени в себе — в первую очередь — и в своих подопечных. Александр Иосифович, по большому счету, не изменял устройство окружающего мира в своих интересах, а пытался предельно честно приспособиться к нему, не давая себе никаких послаблений. Учебный процесс был для него поистине священнодействием, а Публичная библиотека — святилищем, поэтому любые перемены в номинации или в ритуале — что, как не святотатство? К поставленным целям любого масштаба он относился настолько серьезно, что на пути к их достижению такие мелочи, как необходимость читать микрофильм по-английски, просто не замечались, а все, что могло помешать их достижению — издания-биллингвы, например, — решительно отменялось. Правила — и орфографические, и этикетные — хороши лишь тогда, когда нет необходимости в исключениях: поэтому по имени и отчеству называть надо всех и за руку здороваться тоже со всеми. Это не чудачества, а настоящее подвижничество. Хотя бы потому, что так, как Александр Иосифович, не мог и не может никто. Строгость к себе воспитать очень трудно, уж слишком много соблазнов стоит на пути. Но нет никаких сомнений в том, что все, кому повезло знать Александра Иосифовича, понимают, что он входит в число дорогих для нас, пусть и ушедших, людей, которым мы чувствуем себя подотчетными. Едва ли это изменится с годами.

Summary

Reminiscences of A. I. Zaicev (1927–2000), professor of classics at the University of St. Petersburg, by his student in 1990ies, Anastassya Brodovskaya.